

18+

Елена Ши

Истории рождения

— Книга 2 —

Елена Ши

Истории рождения. Книга 2

*<https://litres.ru/74465474>
ISBN 9785007123013*

Аннотация

«Истории рождения. Книга 2». Елены Ши — это пронзительный цикл рассказов и стихов о женской судьбе. Под каждой маской бьётся живое сердце, которое ищет выход наружу. В этих историях сплетаются мифические образы («Медуза Горгона») и бытовые зарисовки («Горькой рюмочка», «Правильная вода»), а за повседневностью скрывается вечная борьба за право быть собой.

Содержание

Пролог	6
История 1. Горькой рюмочка	8
Бездушное создание	13
История 2. С приветом, но своим	15
С приветом	18
История 3. Удар под дых	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Истории рождения

Книга 2

Елена Ши

*Мы носим маски криводушия,
но в этом танце обречённых отражений
я собственное эхо вижу — смутно.
Елена Ши*

Иллюстратор Елена Валерьевна Шакирова

© Елена Ши, 2026

© Елена Валерьевна Шакирова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-2301-3 (т. 2)

ISBN 978-5-0071-2300-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Говорят, нельзя дважды войти в одну реку. Врут. Можно. Если эта река течёт внутри твоей собственной сумки. Первый раз я вытряхнула её ради связи с миром — искала пропавшую зарядку от телефона, а нашла прошлое, которое хлестнуло по лицу дешёвым колечком с пляжа. Моя первая книга — разбор полётов, археология собственных карманов. Мы тогда вместе с вами копались в шёлковых платочках со слезами и тюбиках засохшей помады, пытаюсь понять, куда уходит жизнь.

Во второй раз я открываю этот бездонный ридикюль уже не как спасательный круг. Я делаю это просто потому, что мне нравится перебирать пальцами шершавую бумагу старых тетрадей. Здесь нет задачи найти связь с настоящим. Здесь есть желание услышать, как хрустит гравий под босыми ногами на чёрной лестнице памяти.

В этой книге море выходит из берегов прямо в турецком отеле, облака лопаются от одного тычка пальцем, а вода для борща оказывается красной, как кровь, и пахнет детством. Я больше не пытаюсь быть глубокой писательницей с золотым пером. Я признаю себя дырой в облаке, гибридом волчицы и овечки, который тайком слизывает собственную кровь, что-

бы вспомнить вкус жизни.

Здесь всё такое же честное, но теперь оно не болит. Оно просто сидит рядом на дачном крыльце, дышит дымом мангала и молчит о главном. Добро пожаловать во вторую раскопку. Только осторожнее там, у самого дна подкладки — оттуда иногда скалится скелет чужих ожиданий. Но вы не бойтесь. Он свой. У него просто давно не было собеседника.

История 1. Горькой рюмочка

Я опять заплутала в своей сумочке!

Перевернула всё вверх дном на полированном столике в кафешке, вываливая этот маленький хаос на холодную столешницу, на отражение своей обескураженной мордахи.

Ключи, десяток монет разного достоинства, три смятых чека, поломанный карандаш, огрызок жевательной резинки в серебристой обёртке. Всё это благополучно высыпалось, а вот зарядка от телефона — нет. Исчезла. Испарилась. Будто и не было.

Горькой, что ли, налейте рюмочку, поддержите меня безоружную перед лицом технологического беспамятства.

Официант, человек с лицом усталого философа, наблюдавший за моими раскопками, молча поставил передо мной стопочку чего-то прозрачного. Я кивнула в благодарность. Сумочка лежала, бездушная и распахнутая, как раковина после того, как моллюска извлекли и съели. И в этой раковине начал проступать иной перламутр. Не тот, что нужен сейчас для связи с миром, а тот, что связывает с миром, который уже отплыл в прошлое.

Из глубины, из-под слоя бумажных платочков, выглянуло колечко. Не золотое, не серебряное. Дешёвенькое, бижутерия, позолота с которого облезла на одной стороне, оставив жалкий медный просвет. Колечко, до слёз несуразное. Мы купили его на пляже у загорелого старика, который торговал этим добром прямо с расстеленного на песке полотенца. «На счастье!» — сказал он. Мы смеялись. Ты надел его мне на мизинец, и оно было велико. Словно плетью, наотмашь, хлестнуло воспоминание. Не больно. Но неожиданно.

Рука сама потянулась дальше, будто управляемая любопытством археолога, раскапывающего собственный культурный слой. И наткнулась на бумажку. Скомканный квиток из музея современного искусства, который мы так и не поняли. А на обороте — почерк твой убористый. Списки. Всегда списки. «Хлеб, сыр, вино, понять её». Последний пункт был зачёркнут. И листок, самолётом пикируя в бездну сумочки тогда, окунул меня сейчас в омут горестей мелких, бытовых, моей памятью манипулируя. Не драмой, а именно этой лёгкой, ноющей щемятиной от несостоявшегося понимания.

Потом пальцы нащупали тюбик. Алой помады. Ей, похоже, года три. Цвет — вызывающий, дерзкий. Я купила её после просмотра какого-то чёрно-белого фильма, решив, что теперь жизнь заиграет иными, более насыщенными красками.

ми. Игра в насыщенность длилась недолго, с неделю. Выяснилось, что такая помада требует постоянной бдительности, идеальной чёткой линии губ и соответствующей дерзости духа. У меня же был дух слегка помятый. Острый срез помады врезался прям в душу и навеял странные мыслишки: никто не компенсирует тебе стоимость неиспользованной помады, невостребованных чувств или неосуществившихся порывов. Эх, не женщина-вамп я — я женщина, которая теряет зарядки и находит в бауле прошлое, аккуратно упакованное в сиюминутное.

И вот он, финал. В самом уголке, за подкладкой, что начала отклеиваться, — платочек. Не носовой, а маленький, шёлковый квадратик ткани, с бело-синим узором. Платочек в завязанных узелках — память о наших свиданиях. Не о всех конечно, а только тех, что заканчивались моими слезами. Ты, всегда носивший с собой эту жилетку, тьфу, шёлковый квадрат, протянул его в тот последний раз. А я, привыкшая его получать и возвращать — в тот раз не вернула. Так он и остался у меня.

Узелки завязывались тобой, чтобы я однажды не смогла его развернуть, не смогла воспользоваться, а просто сжала в кулаке, сжала это осязаемое утешение.

Мы расстались со смехом. Ах, этот смех сквозь слёзы...

Наверно, чтоб не так больно было.

Я отпила из стопки. Горькая. Вкус миндаля и полыни.

Что искала я в этой сумке? Зарядное устройство, символ связи с настоящим. А нашла музей личных артефактов, доказательства прожитой, а не пройденной жизни. Не такое уж видно и нужное для внешнего мира, но почему-то хранимое с упорством бухгалтера.

Официант подошёл, вопросительно поднял бровь.

— Нашли?

— Нет, — сказала я. — И уже не буду искать. Куплю новое.

Я допила. Собрала всё обратно в сумочку. Колечко, помаду, платочек. Аккуратно. Не в кучу, а по отдельным уголкам. Надо же, мой бездушный ридикюль оказался самым честным хранителем памяти. Он не редактирует, не стирает, он просто ждёт, когда твои пальцы, в поисках сиюминутного, наткнутся на вечность, помещающуюся в бархатном мешочке.

Пропущу-ка я горькой рюмочку... ещё одну. За бездуш-

ные создания, которые оказываются куда душевнее, чем мы сами, вечно спешащие и всё теряющие. Я оставила на столе щедрые чаевые, взяла сумочку. Странно, она была тяжелее, чем когда я зашла.

Но и как-то уравновешенней.

Бездушное создание

Потеряла опять в дамской сумочке
Я такую вещьцу нужную!
Горькой, что ли, налейте рюмочку,
Поддержите меня безоружную.

На свет белый всплывает разное,
Даже то, что давно уснувшее....
Вот колечко, до слёз несуразное,
Словно плетью, наотмашь, хлестнувшее.

Промелькнул почерк твой убористый
И листок, самолётом пикируя,
Окунул меня в омут горестей,
Моей памятью манипулируя.

Тюбик алой помады забытый
Срезом острым в душу врезается,
За опыт личный не жду субсидий...
Я не женщина-вамп, выясняется.

Узелками платочек завязанный

Помнит каждое наше свидание.
Только был их итог предсказанный,
Смех сквозь слёзы, при расставании.

Что искала я в дамской сумочке?
Не такое уж видно и нужное...
Пропущу-ка я горькой рюмочку,
Ридикюль мой, создание бездушное!

Из архива, конец 80-х Е. ШИ

История 2. С приветом, но своим

Знаете, в шестьдесят лет уже не ждёшь от моря сюрпризов. Думаешь, оно, как и ты, устоялось: знает свои границы, не дурит, не выходит из берегов без особого приглашения. Ан нет. В этом мае мы с мужем отдыхали в Авсаларе — тихий турецкий курорт, где главное развлечение — это смотреть, как официант несёт чай, и гадать, не уронит ли его во время землетрясения. А землетрясения там, между прочим, случаются. Но не такие, чтоб дома рушились, а так — чтоб люстра покачивалась и мысли в голове слегка перетряхивались.

Всё было чинно и благородно. Я, как положено даме балетного возраста с плюсом, сидела под зонтиком, мазалась кремом от загара с фактором пятьдесят и читала детектив, где убийцей оказывался дворецкий. Мой муж-муженёк медитировал на волны, периодически похрапывая. Мы были образцом респектабельного отдыха. Ничто не предвещало...

А потом наступила ночь. Не скажу, что буря — скорее так, каприз. Ветер вздумал пошептаться с водой, а вода вдруг решила, что ей тесно в берегах. Проснулась я от странного звука — будто кто-то огромный и мокрый с размаху шлёпнул ладонью по асфальту. Выглянула в окно — и обомлела.

Море шастало по набережной, как пьяный родственник на свадьбе: несолидно, разухабисто, с брызгами во все стороны. Вода залила шезлонги, подмочила зонтики, и, судя по всему, навечно испортила настроение парочке лежаков, которые теперь торчали, как мокрые курицы. Песок был весь в каких-то тёмных разводах — то ли водоросли, то ли морская живность, то ли само море решило, что берегу не хватает художественного беспорядка.

И вот тут, когда супруг мой ещё досматривал третий сон, я натянула на себя первую попавшуюся лёгкую тунику — она была в цветочек, что, согласитесь, добавляет моменту абсурда — и выскочила на улицу. Босиком. По мокрому, холодному, липкому песку. Зачем? Откуда мне знать. Иногда в шестьдесят лет просыпается та самая девчонка, которая в восемнадцать бегала под дождём и считала, что жизнь — это вечный праздник. Потом её закопали под слоями бытовухи, ипотеки и диеты, но ночью, когда море выходит из берегов, она, как зомби из склепа, выбирается на поверхность.

Я остановилась у самой кромки воды. Волны — не бешеные, но сбившиеся с ритма — накатывали одна за другой, будто пытались рассказать мне нечто важное. И знаете, я вдруг поняла: я сама — как это море. С виду — спокойное, изученное, нанесённое на карты. А внутри — тоска по безумству. По тому, чтобы хоть раз за долгие годы выйти из

берегов, набрызгать на песок, на шезлонги, на чужое благополучие. Чтоб не «здравствуйте, я ваша тётя», а «привет, я ваша сумасбродка».

И тогда я засмеялась. Громко, в голос, стоя по щиколотку в воде. Мой потом говорил, что я разбудила всех отдыхающих этим хохотом. Но мне было всё равно. Я смотрела, как волны тащат обратно в море песчинки, обломки ракушек, и думала: а ведь это и есть жизнь. Не та, где всё по расписанию, а та, где ты вдруг, вопреки логике, выходишь босая к вышедшему из берегов морю и орёшь от восторга. И плевать, что завтра завтрак в отеле только до десяти. Завтра — это завтра. А сегодня море пошало. И это — самый лучший комплимент моей стареющей душе.

А под утро, когда вода начала уходить, а на мокром песке остались только узоры — линии, точки, какие-то каракули природы, — я написала эти строки. Прямо на песке. Палкой. Потом, правда, пришла волна и всё смыла. Но я запомнила каждое слово. И вот вам — дословно. Потому что, сколько ни пиши прозой, точку в этом безумии может поставить только стих.

С приветом

О, этот гул! В нём столько лишних истин,
а я — какая-то совсем не та.

Мой позвоночник выгнут и безжизнен,
и в горле — ледяная пустота.

Я так люблю — до придури, до дрожи,
до глупенькой усмешки невпопад,
как это море лезет вон из кожи,
бросая в берег пенный свой распад.

Я — сумасбродка. Я в бреду и в раже
бегу к воде, роняя башмаки.

Мне кажется, что мокрый песок пляжа —
Выворачивает с корнем тупики.

Какая статья в нелепом колыханье?

Какая чушь — в порыве этих вод?

Но море — как короткое дыханье,
когда душа к нему на цыпочках идёт.

Простите мне бесстыдство этой связи,
мой дикий танец, странный мой извив.

Я вся — в солёной, лучезарной грязи,
в лучах и брызгах, челобитную забыв.

Я не такая. Мне в уютном мире
так душно быть причёсанной и злой.
А здесь — простор в невидимом эфире
над бесшабашной, синей глубиной.

Пуškai твердят, что я чуть-чуть «с приветом»,
что мой восторг — на грани, на краю.
Я стану самым крошечным предметом,
что море причесало в колею.

И, подчиняясь странному закону,
я в эту бездну брошусь, как в тетрадь,
чтоб в такт волне — высокому поклону —
смеяться, захлебнуться и молчать.

16.05.2026 Е. ШИ

P.S. Пусть и у вас иногда срывает крышу. До «лезть вон из кожи», до бега босиком, до смеха в солёных брызгах. И чтобы рядом было море — или то место, где можно себе это позволить. С приветом, но своим.

История 3. Удар под дых

Это началось с того, что я решила стать важной. Серьёзно. Взяла и решила. Вынесла себя на веранду вместе с раскладным стулом, блокнотом и ручкой с золотым пером — подарок ещё с той работы, когда я кем-то работала и меня за это хвалили. Села, поджала губы, нахмурилась и приготовилась делать глубокие умозаключения о жизни. На даче. В десять утра. Пока супруг возился с мангалом и материл угли, которые никак не хотели разгораться, потому что он купил их вчерашние, дешёвые, с АЗС.

Я решила: сейчас я напишу нечто такое, что войдёт в историю русской литературы. Короткое, но ёмкое. Как завещание. Как удар под дых. Как последняя запись в дневнике человека, который видел слишком много и теперь обязан этим поделиться.

Я просидела полчаса. Написала три слова: «Жизнь — это...» — и застряла. Дальше шла пустота. Абсолютная, звенящая, как гул бездушной трансформаторной. Я смотрела на небо, надеясь, что оттуда спустится откровение на верёвочке, но небо было обычным — синим, с редкими облаками, похожими на вату, которую забыли убрать после процедуры.

И тут я разозлилась. На себя. На эту дурацкую позу. На

блокнот с золотым пером, который пахнет канцелярией и фальшью. Я ткнула ручкой в небо — буквально, наугад, в первое попавшееся облако, будто хотела его проткнуть, как воздушный шарик. И знаете что? В моей голове — щёлк. Облако в моём воображении лопнуло. И я вдруг отчётливо поняла: вот она, правда. Не в том, что я пишу великие мысли, а в том, что я сижу на дешёвом раскладном стуле, в шортах, которые видали лучшие дни, и пытаюсь быть кем-то, кем не являюсь.

Я не важная. Я не глубокая. Я просто тётка, которая проткнула пальцем небо и удивилась, что там ничего нет.

Муженёк наконец разжёл угли. Они занялись дымом, сильным и едучим, который пополз прямо на меня, и я закашлялась, выронила ручку. Она упала в траву, и я, чертыхаясь, полезла её искать, заодно ободрав коленку о какую-то железку, торчащую из старого стула.

— Ну что ты опять там пишешь? — крикнул мой Сашка-Руслашка.

Он стоял у мангала, весь в дыму, похожий на языческого бога мелкого бытового пошиба. — Продолжение «Война и мир?»»

— Нет, — огрызнулась я, вытаскивая из коленки занозу.
— «Дыру в облаке».

Он хмыкнул и перевернул котлеты на решётке. У него это хорошо получалось — переворачивать котлеты. Без рефлексии, без претензии на глубину. Просто шлёп — и готово. Я вдруг остро ему позавидовала. Ему не нужно пробивать облака, чтобы почувствовать себя живым. Ему достаточно, чтобы угли взяли жаром, а мясо не пригорело.

Я села обратно на стул, потирая многострадальную коленку, и посмотрела на то место, где только что было облако. Небо уже затянуло дырку новой ватой. Оно плыло себе дальше — синее, равнодушное, бесконечное. Ему не было дела до моего величия, до моих блокнотов, до моих попыток оставить след в вечности. Оно просто было. И в этом «просто было» скрывалась такая оглушительная свобода, что у меня перехватило дыхание.

Я — дыра в облаке. И это не катастрофа. Это просто факт. Я проткнула небо своей глупой важностью, и ничего не случилось. Мир не рухнул. Солнце не погасло. Даже у любимого не прибавилось ни одной лишней котлеты. Просто в лазури образовалась маленькая прореха, и через неё не хлынул запредельный свет, не послышался глас свыше. Оттуда пахло только летом, нагретой пылью и, кажется, шашлыком.

Я снова взяла блокнот. Ручку я нашла — она валялась под кустом смородины, в каплях росы. И написала не то, что планировала. Не «Жизнь — это...», не великий манифест гибрида, а просто — то, что случилось. Про облако, которое лопнуло, и про дырку, которая не стала прорывом в иные миры, а осталась просто дыркой. И про то, как я, смешная, с важностью судьи, держала приговор наготове, а небеса, простившие грехи, качали дальше баржи синих кровей.

Когда я закончила, я перечитала написанное и впервые за долгое время не захотела ничего переделывать. Оно было некрасивым. Неровным. С запахом дыма и привкусом занозы. Но в нём не было лжи. Ни грамма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.